

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Кузнецова, Ярослава Анатольевна.

К89 Золотая свирель. Том 1 / Ярослава Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

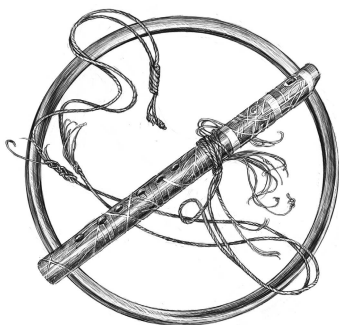
ISBN 978-5-04-203564-7

Леста Омела, юная лекарка с хутора, однажды побывала в стране фейри и теперь хочет стать настоящим магом, а также найти своего возлюбленного, подарившего ей золотую свирель.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203564-7

© Кузнецова Я.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

КУКУШОНОК

*280 год от объединения Дареных Земель
под рукой короля Лавена (сейчас)*

— **Д**ве с четвертью, — сказал продавец. — Если с корзиной, то три.

— Три четверти за корзину? — поразила я.

Торговец усмехнулся:

— Может, высыпать в подол, красавица?

— Да подавись ты!

Он ловко поймал деньги. Все так же усмехаясь, снял корзину с прилавка и поставил на землю. Я смотрела на корзину. Продавец смотрел на меня. Корзина была как раз мне по пояс. Рыба в ней благоухала.

— Барышня?

Рядом топтался зевака со свертком в руках.

— Я мог бы донести. Куда скажешь. Всего за четверть.

Парень был восхитительно рыж. Гораздо рыжее меня. Нос и щеки словно гречихой усыпаны. Кроме того, он был высок, костляв и нескладен. Совсем мальчишка. Я пожала плечами:

— Донесешь?

— Легко.

Сверкнула улыбка, он бросил свой сверток поверх рыбы. Снял веревку, заменяющую ему пояс, обвязал корзину.

— Пособи, — окликнул он продавца.

Тот вышел из-за прилавка, помог парню пристроить груз на спине. И что меня дернуло купить сразу целую корзину? Могла бы взять штуки три рыбины, на сегодня хватило бы.

Наверное.

— Куда, хозяйка?

Я огляделась, заслоняясь ладонью от солнца. Справа рыночную площадь замыкала приземистая круглая башня с пристроенным к ней длинным двухэтажным зданием, похожим на казарму. Слева площадь немного повышалась, разворачивая пестрый цветник навесов. В дальнем ее конце, за чередой черепичных крыш, возносился в небеса серо-розовый монолит скалы. Взгляд карабкался выше, вдоль серо-розовых зубчатых стен, к вертикалям башен, чьи короны ласточкиными гнездами облепил факхверк, к заостренным, бронзового цвета кровлям, к ступеням выбеленных труб, к сверкающему лесу шпилей с вымпелами и флюгерами.

Со вздохом я отвернулась от замка. Махнула рукой в направлении здания, похожего на казарму.

— Туда.

Парень решительно вклинился в толпу. Я поспешила за ним, и, чтобы не отстать, положила руку на край корзины. Суэта и толкотня малость оглушали. Поверх рыжей макушки моего спутника я смотрела на приближающуюся приземистую башню. Наверное, склад какой-нибудь. Или тюрьма.

Не то чтобы город заметно изменился за время моего отсутствия... меняться тут особо нечему, эти дома вокруг, эти улицы и мостовые выглядят так, словно стояли

здесь с начала времен. Просто память моя замылилась, затерлась, зашлифовала острые грани, стала похожа на матовое стеклышко, выброшенное морем на прибрежный песок.

Не удивительно. Та сторона затрет и зашлифует любую память. Вымоет, выскоблит добела, как старый пергамент, чтобы расписать его заново своими собственными яркими красками. Новый текст, новая история. Новая память. Палимпсест.

Парень посвистывал сквозь зубы. Шагал он свободно, должно быть, груз не особенно его тяготил. Оглянулся.

— Слышь, барышня. Куда тебе столько рыбы? Солить?

— Нет.

— Тогда куда ее? Попортится ведь.

— Не попортится.

— Да попортится. К ночи попортится. Скиснет от жары.

— Сам не скисни. От любопытства.

— Ишь, зубастая барышня. Ты ей — слово, она тя — за нос! Звиняй, конечно, барышня, не мое это дело...

— Не твое, точно.

Он заткнулся. Мы миновали башню и шли теперь бок о бок, хотя и на улице тоже творилась порядочная суета. Толпа сбивала меня с толку. Я совершенно отвыкла от сутолоки, от мешанины людей, повозок и лотков, от тесноты, от гомона и толкотни. На ходу я кое-как пыталась сообразить, не наделала ли глупостей в городе. У меня хватило ума не совать продавцу на рынке древнюю золотую монету, а предварительно разменять ее у менялы, но и тот измучил меня вопросами. Так же стало ясно, что надо что-то делать с одеждой — в городе меня величали барышней, но поглядывали косо. Может, дело было не в одежде, а в отсутствии слуг и спутников, без которых настоящая барышня, если не знатная, то хотя бы богатая, никогда из дома не выйдет.

Где-то поблизости взвизгнули трубы. Я завертела головой. Среди пешеходов возникла сдержанная паника, гуляющие прибавили шаг, уличные торговцы поспешно сворачивали свои лотки и короба, освобождая дорогу. Из-за поворота, ведущего к замку, нарастая, выкатился грохот.

— Осторожно! — Парень поймал меня за рукав и оттащил к стене.

— Эй, эй! Поберегись!

Мимо, сверху вниз, вспоров ветхий холст поредевшей толпы, пронеслась кавалькада — сверкающая комета с многоцветным хвостом. Флажки, султаны, плащи яркими крыльями — лазурные и алые, белые и золотые. Вспышки металла слились в слепящую рябь. Над головой зигзагом мелькнула занесенная плеть, заставив шарahnуться запоздало.

И вспышкой проснулась память: белый конь — воздух и снег, пронизанный лунными лучами. Всадница, полускрытая волнами летящей гривы, в медлительном вихре шелковых одежд, переслоенных ветром, со струящимся флагом пепельно-серебряных волос, всадница в облаке легчайшего звона, не громче звона крови в ушах, ранящего сердце звона протянутых сквозь ночь волшебных струн, всадница, чей профиль проступает, как камья на исчерна-синем небе, точеный, точный, тающий...

Королева.

Таща за собой шлейф грохота и трубных вскриков, комета умчалась вниз по улице, в сторону реки.

— Что это было?

Парень взглянул на меня — и я невольно нахмурилась. Лицо у него было застывшее, нехорошее какое-то, даже веснушки выцвели. Замороженное лицо. Словно он только что глядел на пытки.

Он моргнул и сплюнул на землю. И обмахнулся большим пальцем, будто от нечистой силы.

— Эй, да что случилось?

— Да ниче, — буркнул он, поправляя корзину.

— Ничего? А что ж ты побелел весь?

Он пожал плечами.

— Получили бы плетью по загривку... Ладно, обошлось. Ну, двинули, что ли? Куда теперь?

— К воротам.

— К воротам так к воротам.

Он зашагал вниз по улице в ту же сторону, куда унеслась сверкающая комета.

— Благородные господа, — сказала я. — Из замка. Размахивают плетями. Топчут конями зазевавшихся.

Парень молчал.

— Кто это? — спросила я.

Он глянул искоса и опять не ответил. Я ощутила, каково это, когда тебе не отвечают на вопрос, и вроде бы на самый невинный. Вон как я его отшила с этой рыбой. Сейчас он отыграется. Не ответит из чистой вредности.

Он еще помолчал, а потом сказал — очень доброжелательно сказал:

— Слышь, барышня, а ведь ты нездешняя.

— Нездешняя, — охотно согласилась я.

— Ага. — Он усмехнулся. — А я смеаю — выговор у тебя какой-то странный. Будто бы нашенький, а в тоже время будто бы и чужой. То ли простецкий, то ли благородственный... А что до господ из замка... Родная сестра это короля нашего Нарваро Найгерта, бутон, как говорится, благоухающий от дерева Моранов. На охоту изволят выехать, госпожа наша несравненная.

— Эгей, ты тоже по благородственному умеешь? А почему столько сарказма?

— Ты, барышня, ослышалась. Какой такой сарказм? Никакого сарказма, только трепет и преклонение. Мы

люди маленькие, неученые, даже слова такого не знаем — сарказм...

Он поджал губы, словно останавливая сам себя. И я подумала — странный парень. Оборвыш городской за гроши корзинку мою тащит. На проехавшую мимо принцессу смотрит как на кровного врага.

Я пожалала плечами. Это меня не касалось. Хотя здесь явно было что-то не так. Да и насчет оборвыша я погорячилась. Парнишка был одет просто, но чистенько и добротно.

Некоторое время мы молча двигались путем родной сестры короля Нарваро Найгерта и ее кавалькады. Улица пару раз плавно повернула и вывела нас на небольшую площадь перед воротами. Мальчишка остановился.

— Куда теперь?

— Дальше, туда, — я кивнула на ворота. — За город.

— Туда, сюда, — заворчал он. — Нет бы сразу сказать: мол, мне туда-то. Вот морочит голову: туда, сюда...

— Я заплачу.

Он неожиданно смутился:

— Ну, в общем, мне тоже туда же... я хотел сказать, нам, выходит, по дороге. Тебе куда, к реке?

— К реке.

— Хе! На ту сторону?

— Что? А... да. То есть... да.

— Хе! Пойдем. Я тебя перевезу. Видала наш паром? Мой батька им заправляет, а я ему помогаю. Вообще-то, у нас работник есть, Кайном зовут, силен, как бык, только с головой у него не все ладно. Они сейчас с батькой как раз в паре.

Мы вышли из ворот, удачно проскользнув между груженной телегой и фургоном бродячих актеров. Над дорогой вовсю клубилась пыль — день был в разгаре. Я, прикрыв глаза ладонью, взглянула на мутное небо. Жара.

Остро захотелось в тень, в гулкую сырость моего грота, а еще лучше — куда-нибудь в ветреные дюны, в пес-

чаную ложбинку, под сосновые ветви, под растянутый на этих ветвях плащ...

На ту сторону...

— Слышь, барышня, в самом деле... Чего секретничаешь, страсть ведь как любопытно.

Помощник мой шагал по левую руку, против солнца, загораживая собой дорогу. Тень его укрывала меня почти целиком.

— Что тебе любопытно?

Я уже поняла, что он возвращается к прежнему разговору. Шут с ним, поговорим на любую тему.

— Да рыба эта... Я смекаю, ты ж ее для кормежки небось купила. В смысле, зверье кормить. Только рыба уж больно хороша... не для зверей.

— Это смотря что за зверь.

— Ага! — Он весело покосился, задрав смешную выгоревшую бровь. — Значит, верно смекнул-то! Ничего соображалка у Кукушонка, а?

Я улыбнулась. Обаяние у мальчишки имелось. И характер, наверное, у него легкий, задорный, несмотря на странности. Хороший характер. Только болтун он порядочный.

— Так что за зверь, а? Ты говоришь — зверь, значит он один? Здоровенный, выходит, коли ему одному всю корзину. Здоровенный, правда?

Ишь ты, Кукушонок. Соображалка у тебя и впрямь ничего, даром, что рыжая и давно нечесаная.

— Да, большой. Большой зверь.

— Лев? Пардус? Или нет, какой-нибудь водяной, какой рыбу жрет, какой-нито... Кит? Черепах? Может, змей морской? Дракон?

Я споткнулась. Эй, Кукушонок! Что-то ты слишком здорово соображаешь.

— Я знаю. — Он тоже остановился, перехватил веревку, неловко отер рукавом взмокший лоб. — Дотумкал я. Ты у лорда Вигена Минора в загородной усадьбе... Не-

давно служишь, да? Там, сказывают, зверинец большой, и бочка там есть, говорят, огромная, с соленой водой, тварей морских держать, а в бочке окошечки хрустальные...

Я ничего не сказала. Зашагала дальше — дорога плавно поворачивала к реке. Над прибрежными кустами сверкнула широкая лента Нержеля. Противоположный берег, обрамленный синеватой каймой леса, едва угадывался в солнечном мареве.

Далеко-далеко на северо-западе, там, где река соединялась с морем, разлилось слепящее сияние. И на этом самом стыке в текучем жгущем свете парила призрачным замком Стеклянная Башня — мой маленький остров, высокий, узкий, почти прозрачный, почти невесомый, почти не существующий.

— Барышня, а барышня, ты расскажи про дракона-то... Ну расскажи, небось не тайна это, не секрет какой... Слышь, а может, покажешь его, а? Я тебе корзину задаром дотащу. Покажи дракона, барышня! Век благодарить буду, хочешь, всю работу переделаю, клетки почищу, воды натаскаю...

— Из моря?

Мы снова остановились. Кукушонок разволновался. Он шумно и часто дышал.

— Да хоть из моря... — голос его неожиданно ослаб.

— С чего ты взял, что это дракон?

— Ты ж сама сказала...

— Я не говорила этого.

Он заморгал.

— Тогда кто?

— Что — кто? Кто сказал? Ты сказал. Ты сам выдумал дракона, сам и сказал.

— Да не... Если не дракон, то кто?

Если не дракон, то кто? Амаргин называл его мантикором. Я никогда не видела мантикоров, но, кажется, они выглядят иначе. Но он и не дракон. Он точно не дракон.

У драконов, даже бескрылых, нет лица, у них морда. А у мантикоров нет драконьего тела и чешуи. Хвост у мантикоров имеется — скорпионий, а не драконий, и на нем жало, а не пика. А вот рук — настоящих рук, с пальцами, с ладонями — нет ни у тех, ни у других.

— Не знаю, — призналась я. — Мне сказали, что это мантикор.

Кукушонок только охнул. Он поверил сразу и безоговорочно.

— Мантикор!

— Но это не мантикор.

— Не мантикор?

— Увы, нет. Он большой и страшный, весь в шипах, он лежит в воде, светится как гнилушка, воняет, жрет рыбу и все время спит.

— Он свирепый?

— Понятия не имею. Он не просыпается даже для того, чтобы поесть.

— Ты за ним ходишь? Кормишь, то-се?

— Да. Кормлю, то-се.

Я повернулась к спуску на паром. Парень, вздыхая, поплелся следом.

— Эх, да я понимаю... понимаю, что нельзя показывать редкого зверя каждому встречному-поперечному. Лорд Виген, я слышал, гневлив весьма, еще высечь велит, ежели чужого кого в доме своем застукает... А то вообще взашей вытолкает, в смысле, не только меня, но и тебя...

Не слушая кукушоночье нытье, я прибавила шагу. На берегу толклась толпа, человек в двадцать. Там же присутствовал порожний воз, пара лошадей, коза и собака. Широкий прямоугольник парома неспешно подбирался к дощатому причалу. Причал был длинный, и в дальнем его конце, у крытого дранкой сарайчика, покачивались в набегающей от парома волне две лодочки. Дом паромщика стоял чуть в стороне, на поросшем мелкой кудрявой травкой склоне.

Кукушонок, похоже, разочаровался в предполагаемой аванюре. Замолчал. Или сейчас его больше интересовало происходящее на пароме.

На короткий причальный столб легла веревочная петля. Грузная посуда ткнулась тупым носом в доски, отошла от толчка, и через расширяющуюся щель на причал выпрыгнул полуголый мужчина в оборванных холщовых штанах. Другой мужчина, постарше и посуше, выволок сходни.

— Вон те лодочки, — я показала рукой. — Чьи?

— Та, что слева — моя, — хмуро отозвался Кукушонок. — На кой тебе она? Ты ж сказывала, к Минорам, на ту сторону...

— Отлив уже начался. По реке, потом обогнуть маяк... так будет быстрее.

— К Минорам? Да ты че, там потом по берегу мили полторы топать...

— Где твоя хваленая соображалка?

Парень поморгал, потер ладонью мокрое, пестрое от веснушек лицо. Волосы прилипли к загорелому лбу. На макушке они выцвели до соломенного золота, а глубже, у корней, были красновато-рыжие, как лисий мех. А глаза у него оказались карие, с желтыми лучиками вокруг зрачков. Когда в них попадало солнце, они вспыхивали янтарем.

— Его не в доме держат? — неуверенно предположил он. — То есть мантикора этого? Я смекаю, ему загончик сделали в скалах, чтобы вода всегда свежая и вообще...

Забавно, подумала я. Он сам себе отвечает, мне даже не надо особенно врать. Он отвечает именно так, как я бы сама ответила, будь у меня время хорошенько поразмыслить. Да что там, его предположения гораздо убедительнее моих неловких отговорок, полуправды, что, как известно, хуже лжи. Хороший способ разговаривать с людьми. На любой вопрос отвечать: «А ты как дума-

ешь?» или «Подумай сам, ты же умный человек», или «Догадайся с трех раз»...

По сходням на паром закатывали порожний воз — мужчина постарше придерживал волнующихся лошадей, а другой, в холщовых штанах, с голой коричневой спиной, налегал на задок плечом.

— Бать, а бать! — крикнул Кукушонок. — Помощь нужна? — Мельком глянул на меня. — Не слышат... — и заголосил, перекрывая шум толпы: — Ба-ать! А ба-ать! Вам помо-очь?

Люди на причале заоборачивались. Залаяла собака. Мужчина, заводивший лошадей, посмотрел на нас из-под руки, потом ответил что-то неслышное.

— А? Чего?

Мужчина отмахнулся — мол, отстань. И прикрикнул на полуголого, который, позабыв про возок, пялил глаза, будто увидел невесть что. У полуголого было лицо идиота, наполовину спрятанное в клокастой гриве цвета пожухшей травы, со скошенным лбом, с вывернутыми ноздрями, с мокрым распущенным ртом. Глазами он прикипел ко мне, и все бы ничего — глазает дурак на девицу, и пусть его глазает, может, понравилась ему девица, — если бы не нарастающий страх в тех глазах.

Страх.

Страх, тот, что переходит из кошмарного сновидения в реальность, когда вдруг просыпаешься в кромешной тьме, с колотящимся сердцем, с абсолютной уверенностью в том, что кто-то стоит над твоим изголовьем с занесенным ножом, и сейчас... вот сейчас...

Паромщик гаркнул на идиота, тот заморгал и отвернулся. Напряжение спало так резко, что я пошатнулась.

— Никак барышня перепугалась? Не бойсь, Кайн у нас мухи не обидит, хоть и страшон как смертный грех. Он словно дите малое, умишка у него годков на пять — на шесть. Зато силища великанская.

— Пойдем скорее, — буркнула я. — Мне надо торопиться.

Одна из лодочек оказалась совсем маленькой плоскодонкой, вторая же — настоящей лодкой, с килем, со складной мачтой и парусом, уложенным вдоль днища. Кукушонок помог мне спуститься в нее и установить корзину, предварительно забрав свой сверток.

— Обожди чуток, барышня. Сейчас весла принесу.

Он направился к крытому дранкой сарайчику.

А когда он вернулся, легкая плоскодонка уже покачивалась ярдах в семи от причала, мою же лодочку оттащило течением еще дальше. И расстояние быстро увеличивалось. Я нашарила в кошеле золотую монету и кинула ее на причал.

— Дура! — заорал Кукушонок. — Дура чокнутая! На камни налетишь! Зачем? Ну зачем?

Он со стуком швырнул весла на причал, не обратив ни малейшего внимания на блестящий кругляш. Рывком содрал распоясанную рубаху — и бросился в воду, взметнув фонтан брызг.

Поднятая им волна добежала до лодки и оттолкнула ее от берега еще на добрые пол-ярда. У меня саднило палец: ноготь неудачно обломился у самого корня, когда я раздергивала веревку. Я сунула палец в рот.

Голова Кукушонка вынырнула на поверхность.

— Стой! — крикнул он, отплевываясь. — Да стой же! Дура! Я бы тебя довез! Куда хочешь довез бы!..

Он греб в мою сторону, плюясь и ругаясь. Загremели доски — по причалу бежали люди. Впереди всех, отчаянно гавкая, неслась собака. Полуголый идиот отставал от нее всего на пару шагов.

Я перелезла через сложенный парус на корму, к рулю. Лодочка с обманчивой неспешностью развернулась. Беспокоиться мне было не о чем — уже начался отлив, и река освободилась.

Лодку очень быстро тащило на стремнину. Поднялся ветер — свежий ветер простора, что никогда не подлетает к берегам, потому что не любит берегов. И человеческих голосов он тоже не любит, он комкает их, рвет в клочья и выкидывает обратно на человечесью обжитую землю. Я видела, как Кукушоночья голова разевает рот, как люди на причале потрясают кулаками и тоже разевают рты, как возбужденно прыгает у них под ногами собака, но ветер решительно выметал все звуки, словно мусор, на берег. Оставался только чайчий крик да негромкий плеск воды.

Будто мокрая ладонь приветливо похлопывает по мокрому плечу.

АМАРГИН

Последняя нота — звенящее фа — повисла в воздухе. Я отняла свирельку от губ, а звук дрожащим мерцающим стукком висел на уровне моих глаз и не желал растворяться. Я почти видела его — стекляннистый комочек, вибрирующий от напряжения, лягушачья икра, рой прозрачных пчел за мгновение до взлета, множаций внутри себя эхо уже отзвучавших нот, а последним фа, как щупальцем, обшаривающий пространство.

Нащупал. Нащупал скальную стенку, блекло-пурпурный гранит, шершавый, бороздчатый, в серых известковых потеках. Тонким волосом вполз в невидимую трещинку. Закрепился. И ошалевшие от неожиданной свободы стеклянные пчелы рванулись по открывшемуся каналу — что им какой-то камень!

Поверхность скалы заморщила, истекая песчаными струйками, стала сминаться как бумага, как фольга, с сипящим, царапающим шорохом, от которого зашевелились волосы, а потом лопнула. Трещина рывком раздвинулась, выплескивая чернильную тьму, и по граниту вверх и вниз побежала косая неровная дыра. Я поспешно втокнула в щель корзину с уже почищенной рыбой